

Николай Михайлович Рубцов

- **РУБЦОВ, НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ** (1936–1971), русский советский поэт.

«Николай Рубцов — поэт долгожданный. Блок и Есенин были последними, кто очаровывал читающий мир поэзией — не придуманной, органической. Полвека прошло в поиске, в изыске, в утверждении многих форм, а также истин... Время от времени в огромном хоре советской поэзии звучали голоса яркие, неповторимые. И все же — хотелось Рубцова. Требовалось. Кислородное голодание без стихов — надвигалось...» (Г. Горбовский).

- «Стихи его настигают душу внезапно. Они не томятся в книгах, не ждут, когда на них задержится читающий взгляд, а, кажется, существуют в самом воздухе. Они, как ветер, как зелень и синева, возникли из неба и земли и сами стали этой вечной синевой и зеленью...»
(*А. Романов*).
- «Стихи Рубцова выражают то, что не выразимо ни зримым образом, ни словом в его собственном значении... Образ и слово играют в поэзии Рубцова как бы вспомогательную роль, они служат чему-то третьему, возникающему из их взаимодействия» (*В. Кожин*).
- Эти высказывания Г. Горбовского, А. Романова, В. Кожина—лучшее свидетельство тому, как непросто разговор о поэзии Рубцова. Едва исследователь пытается выразить ее суть, как тут же, отказываясь от литературоведческой терминологии, вынужден

- Обманчива простота рубцовской лирики. Анализируя ее, легко замечаешь закономерности, приемы, которыми пользуется поэт, но результат, достигаемый этими приемами, не закономерен, не достигаем данным приемом.
- Судите сами... Рубцов словно бы специально пользуется неконкретными определениями. «Там, за расхлябанным следом», «ее пустынные стога», «в деревне мгlistой», «распутья вещи»... Что это? Языковая небрежность? Или это поиск подлинного, соответствующего стиховой ситуации смысла, освобождение живой души слова из грамматико-лексических оков?

- Или другой пример... Наверное, ни у кого из поэтов не найдется столь многочисленных повторов самого себя, как у Рубцова. Кажется, он забывал созданные и уже зафиксированные в стихах образы, многократно повторяя их в НОВЫХ СТИХАХ:

*Скачут ли свадьбы в глуши потрясенного бора,
Мчатся ли птицы, поднявшие крик, над
селеньем,*

*Льется ли чудное пение детского хора, —
О, моя жизнь! На душе не проходит волненье...*

(«У размытой дороги»)

- О родителях Николая Рубцова известно немного. Отец поэта Михаил Александрович Рубцов родился в деревне Самылкове Вологодской области. Работал он продавцом в сельпо. В двадцать первом году женился на Александ

- 26 июня 1942 года от хронического воспаления миокарда сердца умерла Александра Михайловна Рубцова.

Мать умерла. Отец ушел на фронт.

Соседка злая не дает проходу.

Я смутно помню утро похорон

И за окошком скудную природу...

- После матери умирает сестра. Сразу следом за смертью сестры разыгрывается новая душераздирающая трагедия. Тетка забирает старших детей — Галину и Альберта — к себе, а младших — Николая и Бориса — везут в Красковский дошкольный детдом.

*Вот говорят, что скуден был паек,
Что были ночи с холодом, с тоскою,—
Я лучше помню ивы над рекою
И запоздалый в поле огонек.
До слез теперь любимые места!
И там, в глуши, под крышею детдома,
Для нас звучало как-то незнакомо,
Нас оскорбляло слово «сирота».*

- Николай Рубцов на исходе войны еще не знал, что отец давно уже демобилизовался и, вернувшись в Вологду, устроился работать в отдел снабжения Северной железной дороги—на очень хлебное по тем временам место... Про сына, сданного в детдом, Михаил Андриянович так и не вспомнил. Да и зачем вспоминать, если он снова женился, если уже пошли новые дети...
- В 1946 году Николай Рубцов закончил с похвальной грамотой третий класс и начал писать стихи. Может быть, стихи и спасли его.

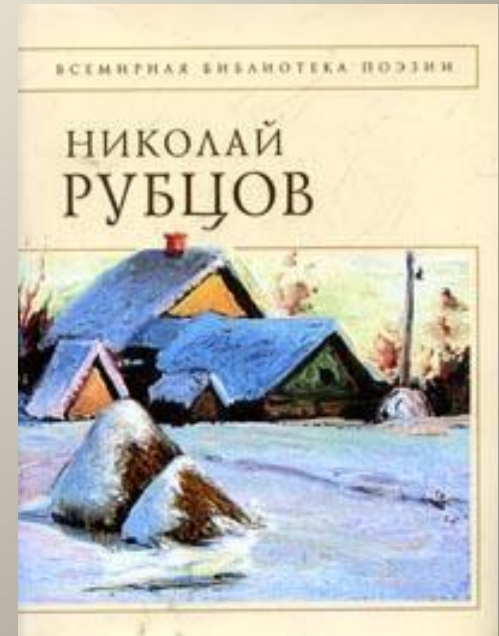
- Рубцову удалось пережить горечь разочарования в своих надеждах, но и в его стихи плеснуло мертвой омутной водой:

*И так в тумане омутной воды
Стояло тихо кладбище глухое,
Таким все было смертным и святым,
Что до конца не будет мне покоя...*

Впрочем, особенно погоревать о предательстве отца Николаю Рубцову не довелось. Время было суровое, и горя хватало на всех.

- В 1957 году в **стихотворении** «Березы» Рубцов снова «похоронит» отца:

*Только чаще побеждает проза,
Словно дунет ветер хмурых дней.
Ведь шумит такая же береза
Над могилой матери моей.
На войне отца убила пуля,
А у нас в деревне у оград
С ветром и с дождем шумел, как улей.
Вот такой же желтый листопад.,.*

- Если сосчитать, где и сколько жил Рубцов, то получится, что в деревне в общей сложности поэт провел не более десяти лет, считая и детдомовские годы. Три года в Ленинграде, два—в Москве, пять в Вологде. Всего на большие города падает десять лет. Плюс пять лет службы на флоте и работы на тральщике... Оставшиеся двенадцать лет —самый долгий срок—Рубцов жил в небольших городках и поселках. И в этом его судьба тоже совпадает с судьбой нашей страны.

Рубцов встречает первую любовь:

Соловьи, соловьи заливались, а ты

Заливалась слезами в ту ночь;

Закатился закат—закричал паровоз,

Это он на меня кричал!

Я умчался туда, где за горным хребтом

Многогорбый старик океан,

Разрыдавшись, багровые волны-горбы

Разбивает о лбы валунов.

Да, я знаю, у многих проходит любовь,

Все проходит, проходит и жизнь,

Но не думал тогда и подумать не мог,

- *Что и наша любовь позади.*
- *А когда, отслужив, воротился домой,*
- *Безнадежно себя ощутил Человеком,*
- *которого смыло за борт: Знаешь,*
- *Тайка встречалась с другим!*

- Может быть, и любила... И, изменив, боялась. Этот страх Таисия Александровна помнит и сейчас: «С армии-то когда пришел Рубцов, дак он идет по дороге с чемоданом, а я убежала из дома—спряталась».
- И, может быть, все и было как в, стихах Р
*Закатился закат. Задремало село.
Ты пришла и сказала: «Прости».
Но простить я не мог, потому что всегда
Слишком сильно я верил тебе!
Ты сказала еще: —Посмотри на меня!
Посмотри—мол, и мне нелегко.
Я ответил, что лучше на звезды смотрел
Надоело смотреть на тебя!
Соловьи, соловьи заливались, а ты
Все твердила, что любишь меня.
И, угрюмо смеясь, я не верил тебе.
Так у многих проходит любовь...*

- Голос рос, становился неподвластным самому поэту, словно это уже не Рубцова голос, а голос самой земли. И случайно ли строки, призванные, по мысли поэта, нарисовать картину военного нашествия давних лет, неразличимо слились с картиной хрущевского лихолетья.

*Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы,
Они несут на флагах черный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов в окрестностях России.*

- И вместе со стихотворением рождалось
искупительное прозрение:

Кресты, кресты...

Я больше не могу!

Я резко отниму от глаз ладони

И вдруг увижу: смирно на лугу

Траву жуют стреноженные кони.

Заржут они—и где-то у осин

Подхватит эхо медленное ржанье,

И надо мной—бессмертных звезд Руси,

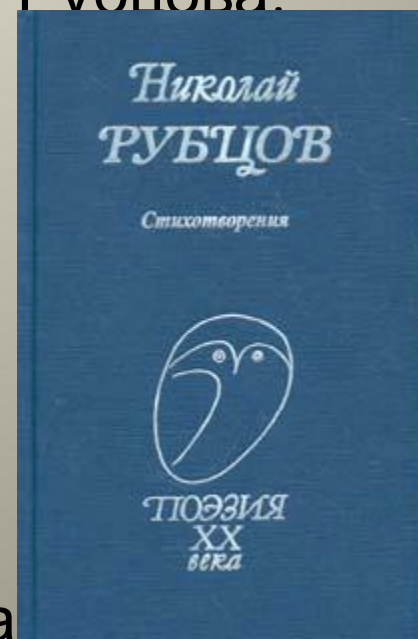
Спокойных звезд безбрежное мерцанье...

- В «Ведениях на холме» можно обнаружить не только интонации и образы, характерные для зрелого Рубцова, но и характерное только для него восприятие мира, понимание русской судьбы. Прошое, настоящее и будущее существуют в его стихах одновременно и, если и связаны какой-либо закономерностью, то гораздо более сложной, нежели однолинейная выстроенность. В «Видениях на холме» настоящее время («шотри, опять...», «они несут...») перемежается с прошедшим («они крестами небо закрестили»), выскальзывает в будущую форму («я резко отниму...», «и вдруг увижу...»), чтобы вместе с конским ржанием, которое еще когда-то в будущем раздастся, вернуться в настоящее время: «И надо мной—бессмертных звезд Руси, спокойных звезд безбрежное мерцанье...»

- «Видения на холме» — первое в ряду «вещих» стихов Рубцова, а с годами поэт научится столь ясно различать будущее, что даже сейчас, когда годы спустя читаешь его стихи, ощущаешь холод разверзающейся бездны, И всегда потрясает почти документальная точность предсказания.
- Например, те же предсмертные строки Рубцова:

*Из моей затопленной могилы
Гроб всплывет, забытый и унылый,
Разобьется с треском, и в потемки
Уплывут ужасные обломки... —*

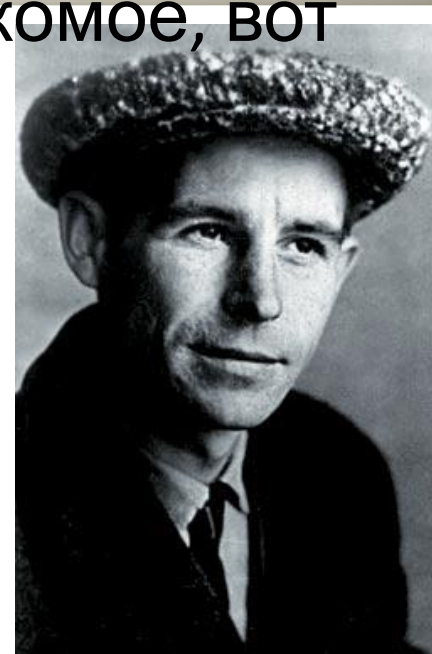
- многие понимают как
- апокалиптическое предсказание,
- но это ошибочно. У Рубцова предсказа
- носят гораздо более конкретный характер.

- В Вологде ведутся разговоры, что хорошо бы, дескать, перенести могилу с обычного городского кладбища в Прилуцкий монастырь и перехоронить Рубцова там, рядом с Батюшковым. Деяние, так сказать, в духе перестроечного времени (при Хрущеве могилу Рубцова просто бы запахали или забульдозерили), но Рубцову незнакомое, вот и написано им:

Сам не знаю, что это такое...

Я не верю вечности покоя!

- Летом 1962 года Николай Рубцов получает аттестат зрелости и заканчивает издание книжки «Волны и скалы». Затем берет отпуск на заводе и уезжает в Николу. Здесь он знакомится во второй раз со своей будущей женой Генриэттой Михайловной Меншиковой. Об этом свидании он писал в стихах:

*Есть маленький домик в багряном лесу,
И отдыха нынче там нет и в помине:
Отец мой готовит ружье на лису
И вновь говорит о вернувшемся сыне...*

- Стихотворение «Жар-птица» впервые опубликовано в «Вологодском комсомольце» 10 октября 1965 года, но написано оно наверняка раньше, скорее всего еще тогда, в шестьдесят втором. Косвенным свидетельством этому служит не только «автобиографическая» строфа, но и образный строй, характерный для ленинградского периода:

*«Мотало меня и на сейнере в трюме,
и так, на пирушках, во дни торжества,
и долго на ветках дорожных раздумий,
как плод, созревала моя голова».*

- Впервые любовь к родной земле, к Отчизне воспринимается как средство собственного спасения.
- В этом стихотворении так много необычной для Рубцова стилевой чересполосицы, что невольно закрадывается мысль, а не специально ли сохранены эти огрехи как живая запись свершившегося с ним чуда, когда нелепой увиделась вдруг позиция «кривостояния», когда так просто: «...в прекрасную глушь листопада уводит меня полевая ограда и детское пенье в багряном лесу...», когда прямо в руки слетает сказочная жар-птица поэзии...Экзамены на аттестат зрелости, «издание» книжки, подытожившей долгий этап поисков самого себя, знакомство с будущей женой, очередное примирение с отцом—события плотно следуют друг за другом.
- Рубцов простился с отцом. Тот провожал его до вокзала и всю дорогу нес сыновний чемодан, а на вокзале купил бутылку вина? и—ему категорически было запрещено пить—выпил на прощание. Рубцов еще не знал, что видит отца

- Вернувшись в Ленинград, Рубцов нашел извещение из Литературного института. На конторском бланке сухо было написано, что он прошел творческий конкурс и приглашается для сдачи вступительных экзаменов. Экзамены Николай Рубцов сдавал, как все, в установленные сроки. Четвертого августа он написал на четверку сочинение, шестого получил пятерку по русскому языку и тройку по литературе, восьмого—четверку по истории и десятого—тройку по иностранному языку. Отметки, конечно, не блестящие, но достаточно высокие, чтобы выдержать конкурс. 23 августа появился приказ № 139, в котором среди фамилий абитуриентов, зачисленных на основании творческого конкурса и приемных испытаний студентами первого курса, значилась под двадцатым номером и фамилия Николая Михайловича Рубцова.

- В 1962 г. Рубцов был членом «московского кружка». Но и среди кружковцев поэт чувствовал себя неуютно, как и среди ленинградских ПОЭТОВ.

*Куда пойти бездомному поэту,
Когда заря опустит алый щит?
Знакомых много, только друга н
И денег нет, и голова трещит.*

• БЕРЕЗЫ

Я люблю, когда шумят березы
Когда листья падают с берез
Слушаю - и набегают слезы
На глаза, отвыкшие от слез
. Все очнется в памяти невольно,
Отзовется в сердце и в крови.
Станет как-то радостно и больно,
Будто кто-то шепчет о любви.
Только чаще побеждает проза,
Словно дунет ветер хмурых дней.
Ведь шумит такая же береза
Над могилой матери моей.
На войне отца убила пуля,
А у нас в деревне у оград
С ветром и дождем шумел, как улей,
Вот такой же желтый листопад...
Русь моя, люблю твои березы!
С первых лет я с ними жил и рос.
Потому и набегают слезы
На глаза, отвыкшие от слез..

• .1957

• **Русская советская поэзия.**

- 9 июня 1965 года, подписывая с издательством «Советский писатель» договор на свою книгу «Звезда полей», Рубцов дал адрес общежития на улице Добролюбова. Других адресов у него тогда просто не было. В общежитии жили друзья, здесь можно было переночевать, прокантоваться и месяц, и другой, но без прописки жить в нашей стране не разрешено никому. Тем более опасно было жить без прописки такому человеку, как Рубцов. Он самым своим видом, кажется, привлекал внимание стражей порядка.

- Лето 1966 года Рубцов встретил в общезжитии Литературного института. Ехать ему было некуда.

Наше дело-верное

Наши карты – козыри

наша смерть, наверное,-

На Телецком озере».

- Таким—веселым, но со страшными словами о смерти и запомнился Рубцов товарищам накануне поездки на Алтай.
- В этом неожиданном поступке была своя логика. До смерти надоело прятаться от коменданта, ночевать на чужих кроватях. Хотя «надоело»—неудачное слово. Правильнее заменить его—усталостью. Усталость, смертельная усталость охватывала порою перевалившего на четвертый десяток Рубцова, та усталость, когда человеку в тягость становится и сама жизнь. И вовсе не удивительно, не странно сочетание «веселой улыбки» и страшного содержания экспромта. С мыслями о смерти Рубцов, кажется, уже и не расставался, а веселье тоже объяснимо. Оно оттого, что удалось так хорошо придумать—уехать, забиться в даль, где тебя никто не знает, исчезнуть, чтобы... чтобы... Едва ли Рубцов думал в ту минуту о смерти всерьез, но, поскольку эта мысль всегда жила в нем, она получала неожиданное и какое-то романтически-красивое развитие... Вот и улыбка, повторяя свой страшный экспромт.

- **Рубцов** всегда жил больно и трудно. Даже и не жил, а скорее, продирался сквозь глухое равнодушие жизни и порою пытался докричаться до собеседников, но его не слышали, не хотели слышать, и тогда Рубцов снимался с тормозов — вся спрессованная в нем энергия, с такой дивной, силой выплескивающаяся в стихах, рвалась наружу, громоздя химеры пьяного бреда. Угадать, во что отольются они, какие очертания примут, за кого — депутата Верховного Совета или майора КГБ — будет выдавать себя Рубцов, оказывалось невозможным. И невозможно было принять меры, чтобы как-то обезопаситься.

Окружающим начинало казаться, что они присутствуют при маленьком катаклизме, а наблюдать такое вблизи и неприятно, и не очень-то безопасно...

- В понедельник, восемнадцатого января , Рубцов отправился вместе с Людмилой в жилконтору. Здесь их поджидала неприятность—ее не прописывали к Рубцову, не хватало площади на ребенка. Рубцов, как всегда, вспылил. Он пригрозил, что завтра же отправится к начальнику паспортного стола, будет жаловаться в обком партии. Все

Но есть резон

В том, что ты рожден поэтом,

А другой—жнецом рожден...

Все уйдем.

Но суть не в этом...

- Замирает сердце и перехватывает дыхание, когда читаешь описание этой—предсмертной недели Николая Рубцова. Так часто бывает, когда обреченный на смерть человек перед самой кончиной своей вдруг освобождается от боли, терзавшей его долгие месяцы, и близким кажется, что произошло чудо и смерть отступила...
- Чуда не произошло... Рубцов волновался, придумывал все новые и новые кары для бюрократов из жилконторы...
- В центре города, на Советской улице, столкнулись со знакомыми. В редакцию «Вологодского комсомольца» Людмиле пришлось идти одной. Когда она вернулась домой, все уже были пьяные, Рубцов начал буйствовать, и компания стала расходиться, избегая скандала.
- Люжмила Д. попыталась уложить Рубцова в постель, но Рубцов вскочил, натянул на себя одежду и сел к столу, где стояло недопитое вино. Он закурил, а горящую спичку шутя кинул в сторону Д. Спичка, разумеется, погасла, не долетев, но Д. представила себе, что горящая спичка упала на нее, и ей стало так обидно, что она чуть не заплакала. Пытаясь убедить ее, что он пошутил, что спичка все равно бы погасла, Рубцов кинул еще

- внутри у меня все кипело... Потом не выдержала, оттолкнула его и вышла в прихожую».
- Рубцов допил вино и швырнул стакан в стену над кроватью. Осколки стекла разлетелись по постели, по полу. Рубцов схватил гармошку, но скоро отшвырнул и ее.словно неразумный ребенок, старающийся обратить на себя внимание и совершающий для этого все новые и новые безобразия, Рубцов ударил об пол свою любимую пластинку Вертинского. Разбил ее...
- «Я по-прежнему презрительно молчала. Он накалялся. Я с ненавистью смотрела на него... Напрасно все—жизнь, честь, достоинство, возможность счастья. Я взяла совок и веник, подмела мусор, осколки стекла. Где-то в четвертом часу попыталась уложить его спать. Ничего не получилось... Нервное напряжение достигло своего апогея, и это вместе с чувством обреченности, безысходности. Я подумала —вот сегодня он уедет в Москву, и я покончу с собой. Пусть он раскается, пусть поплачет, почувствует себя виноватым

- Об этом нельзя писать...
- Ясно, что Людмила Д.—не Дантес и даже не Мартынов. Она убила Рубцова. Потом прибрала в квартире, потом надела рубцовские валенки и отправилась в милицию. Во время допроса она то плакала, то смеялась. Ее судили. Она получила срок лишения свободы в исправительно-трудовой колонии , общего режима. Но еще когда шел процесс, когда выяснялись малейшие детали того вечера, той страшной ночи, она, словно бы стряхнув с себя оцепенение, вдруг ясно поняла, что навсегда будет только убийцей Рубцова, и все последующее наказание показалось ей несущественным по сравнению с этим, главным...
- Убийца...
- Икакая разница, что такой цели — убить Николая Рубцова —у нее не было и не могло быть... Я имею в виду не саму ночь убийства, а всю историю их

- Когда-то в ждановско-хрущевских учебниках литературы можно было прочитать, кто двигал рукой Дантеса, кто стоял за спиной Мартынова. Сейчас мы знаем, что кроме различных особ, заинтересованных в устранении беспокойных и непокорных поэтов, и сами Пушкин и Лермонтов кое-что сделали, чтобы умереть так, как они умерли...
- Конечно, можно проследить, как стягивается роковая петля событий, как незаметно, но неотвратно разгорается роковой скандал—та грязная, пьяная и страшная ночь. Но все равно все могло закончиться иначе.
- ...Об этом нельзя думать и говорить тоже нельзя. В нашей жизни все случается так, как случается... И это и есть высшая справедливость. Другой справедливости, по крайней мере, здесь, «на этом берегу», как говорил Рубцов, нет и не будет. Вот и остается только, поминая Рубцова, повторить вслед за ним:

Все умрем.

Но есть резон

В том, что ты рожден поэтом,

А другой — жнецом рожден...

Все уйдем.

Но суть не в этом...

- Через три дня Рубцова похоронили на пустыре, открытом под городское кладбище. Там было пусто и голо, и только на вставленных в мерзлую землю шестах над новыми могилами сидели вороны. '
- Прощаясь с покойным, В. П. Астафьев сказал: «Человеческая жизнь у всех начинается одинаково, а кончается по-разному. И есть странная, горькая традиция в кончине многих больших русских поэтов. Все великие певцы уходили из жизни рано и, как правило, не по своей воле...»
- В 1973 году на могиле Рубцова поставили надгробье — мраморную плиту с барельефом поэта. Внизу по мрамору бежит строчка из его стихов: «Россия, Русь! Храни себя, храни!» — которая, звучит словно последнее завещание Рубцова этой несчастной и бесконечно любимой стране, что не бережет ни своих гениев, ни саму себя...
- А сейчас поднялись, подтянулись на кладбище кусты и деревья, и уже не так страшно, не так беспрошотно здесь. Впрочем, как я говорил, ходят слухи, что скоро перенесут могилу Рубцова поближе к туристским тропам, перехоронят поэта в Прилуцком монастыре, рядом с могилой поэта Батюшкова...

Я умру в крещенские морозы.
Я умру, когда трещат березы.
А весною ужас будет полный:
На погост речные хлынут волны!
Из моей затопленной могилы
Гроб всплывет, забытый и унылый,
Разобьется с треском, и в потемки
Уплывут ужасные обломки.
Сам не знаю, что это такое...
Я не верю вечности покоя!

• {1970}

*Отложу свою скудную пищу .
И отправлюсь на вечный покой.
Пусть меня еще любят и ищут
Над моей одинокой рекой...*

- Есть особое состояние жизни стихов после смерти их автора. Прекрасные, а главное—вечно живые стихи Рубцова не связывались с тем, что осталось после той жуткой ночи.
- И конечно, прекрасное и вечно живое победило, стихи заслонили не только ужас последних дней жизни Рубцова, но и неуют, неустроенность всей его жизни. Высвободившись из своей брэнной оболочки, образ живого Рубцова начал стремительно сливаться с образом героя его стихов.

